

УДК 821.161.1.09-3+929Слаповский

ПОСТМОДЕРНИСТ ИЛИ НЕОРЕАЛИСТ? ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА 1990-х ГОДОВ О ТВОРЧЕСТВЕ А. СЛАПОВСКОГО

А. А. Сальковская

Сальковская Анастасия Алексеевна, аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, anastazi_s@mail.ru

Проза А. Слаповского не вписывается в чёткие рамки, которые пытаются установить критики и литературоведы. В статье рассматриваются их попытки охарактеризовать творчество писателя, особое внимание уделяется спорам о принадлежности автора к постмодернистскому или неореалистическому течению.

Ключевые слова: Слаповский, постмодернизм, неореализм, литературная критика.

Postmodernist or Neorealist? Literary Criticism of the 1990s of A. Slapovsky's Oeuvre

A. A. Salkovskaya

Anastasiya A. Salkovskaya, ORCID 0000-0002-0938-9580, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, anastazi_s@mail.ru

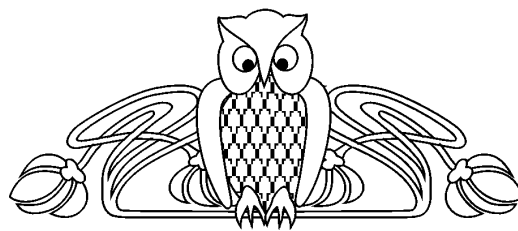
A. Slapovsky's prose cannot fit the clearly defined frame the critics and literary scholars try to set. The article considers their attempts to characterize the writer's oeuvre, special emphasis is placed on the arguments about the author belonging to the postmodern or neorealist movements.

Key words: Slapovsky, post-modernism, neo-realism, literary criticism.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-98-101

Начало творческой деятельности А. Слаповского приходится на кризисное время не только для страны в целом, но и для отечественной литературы. С одной стороны, ушла в прошлое советская литература, «поминки» по которой устроил В. Ерофеев, с другой – отмечается небывалый рост тиражей толстых журналов, печатаются писатели русского зарубежья, книжные обложки пестрят новыми именами.

Характеризуя литературный процесс конца XX – XXI в., трудно найти реальное основание для чётких определений. Переплетение стилей и трансформация классических направлений становится отличительной приметой этого времени. В 1990-х гг. появляется новая словесность, описать которую, используя существующий инструментарий, практически невозможно. Это даёт литературоведам и литературным критикам право видоизменять прежние понятия и конструировать новые, чтобы классифицировать творчество со-

временных писателей, обозначить пределы новых литературных явлений.

В начале 1990-х гг. на литературной арене господствовал постмодернизм. Общие настроения этого времени нашли своё отражение в творчестве писателей-постмодернистов. Именно им удалось уловить и передать на страницах своих книг страх перемен и утрату прежних идеалов.

Но можно ли назвать А. Слаповского постмодернистом?

В научных и критических работах, которые так или иначе касаются творчества Алексея Слаповского, есть как доказательства того, что писатель является типичным представителем этого направления, так и указания на отход автора от традиции. Однако общая черта, объединяющая труды всех исследователей и критиков, заключается в невозможности точно охарактеризовать прозу саратовского писателя. Каждый из них пытается дать максимально меткое определение его произведениям, «заключить» его романы в определённые рамки или же, наоборот, расширить границы уже существующих направлений, чтобы вписать в них тексты А. Слаповского.

На первый взгляд, творчеству писателя присущи все элементы постмодернизма. Первым сказал об этом М. Липовецкий. В монографии «Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики» он причислил Алексея Слаповского к прозаикам «новой волны», в творчестве которых центральным персонажем выступает сам автор. Действительно, в целом ряде произведений мы можем встретить героев-писателей или журналистов. Это могут быть и главные персонажи («Закодированный, или Восемь первых глав») и эпизодические («Первое второе пришествие», «Я – не я», «Война балбесов»). Более того, зачастую автор изображает в своих произведениях не вымышленных людей, а героев, которые имеют реальных прототипов, а иногда и самого себя: «Шёл мимо беллетрист Алексей Слаповский, шныряя умом и взглядом в поисках сюжетов и нелепостей»¹. Такая писательская маска, элемент «нового биографизма», характерный для постмодерна, появляется и в романе «Я – не я», причём А. Слаповский изображён сразу в нескольких ипостасях: корреспондента областного радио, грузчика – бывшего учителя. Смена амплуа повторяет биографию реального автора, который действительно успел и радиожурналистом поработать, и учителем был, и вагоны разгружал. Однако внутритекстовый

автор и предупреждает: «Тут какая-то путаница: названный герой на предыдущих страницах имел другую профессию, хотя известно, что получил ее позже»², – тем самым намекая на «обмен телами» наподобие того, который постоянно происходил у Сергея Неделина.

И хотя демонстративность творческого процесса – черта прозы ещё 1920–1930-х гг., однако в новых условиях она разительно переменялась: «Все те культурологические факторы (делегитимация идеологического и, шире, утопического дискурса; кризис иерархической системы миропонимания; осознание симулятивности “общественного бытия” в целом), которые дали толчок для рождения русского постмодернизма, в 80-е годы достигают своего апогея»³.

В дальнейшем М. Липовецкий в тандеме с Н. Лейдерманом говорят о том, что творчество писателей «новой волны» устаревает и закосневает, а некоторые произведения Алексея Слаповского они относят к направлению сентиментального натурализма, проникнутому сочувствием к «маленькому человеку». Авторы утверждают, что сентиментальный натурализм – поле пересечения постмодернистов и неореалистов. Неосентименталисты часто пользуются сюжетами романтических мифов. Например, у А. Слаповского в «Воине балбесов» разворачивается почти троянского масштаба война за прекрасную даму.

Одновременно с неосентиментальной эстетикой в творчестве А. Слаповского учёные находят реалистические мотивы. Впервые содержание понятия «постреализм» М. Липовецкий и Н. Лейдерман сформулировали в статье «Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме». В основе направления «лежит универсально понимаемый принцип относительности, диалогического постижения непрерывно меняющегося мира и открытости авторской позиции по отношению к нему»⁴. Заметим, что литературоведы признают за автором ведущее начало, однако характерным для постреализма является противостояние персонажа окружающему миру. Постреалистический текст уже не замыкается в себе. Проза конца XX в. воскрешает авторитеты классической литературы с её поисками истины и состраданием к обычным людям. Новый реализм в новых условиях приобретает дополнительные черты, которые он позаимствовал у постмодернизма, – всё то же частое цитирование и затейливая «игра» с каноническими текстами, насмешка над реальностью.

Неореализм характеризуется восприятием существующего мира как объективной данности. В произведениях этого направления описываются и исследуются столкновения маленького человека с современной ему действительностью. Литературоведы относят творчество А. Слаповского к той разновидности постреализма, которая связана «с переосмыслением фундаментальных религиозно-мифологических систем путем создания современных версий Священного писания»⁵.

Они говорят о провале «надежд на универсальное спасение» и одновременно о том, что даже маленький человек способен «осветить (пускай на мгновение) “связь всего сущего” и тем самым возвыситься до универсального масштаба»⁶. М. Липовецкий и Н. Лейдерман отмечают ещё одну особенность русского постреализма – в большинстве произведений этого направления герои не приходят к абсолютной истине, их путь на страницах книг заканчивается поражением, которое как раз и открывает смысл происходящего. Данный тезис применим и к произведениям А. Слаповского – в смерти и страданиях его герои находят утешение, обретают гармонию.

Герои прозы Алексея Слаповского – простые люди, но в каждом из них есть что-то особенное. Пётр Салабонов («Первое второе пришествие») – новый Иисус Христос, который снова приходит к людям в 1990-е гг. Он ставит перед собой задачу – вернуть к вере простых людей, найти духовность в каждом из них. Однако отчего-то все они сопротивляются, не верят в него, и ни один его последователь не остаётся с Петрушей до конца. Сергей Неделин («Я – не я») вдруг обнаруживает у себя удивительную способность – меняться телами, но в «шкуре» каждого нового человека (и даже не всегда человека) ему приходится «выживать» в борьбе с миром, нигде ему нет покоя – и если ему не угрожают расправой люди, то время становится его палачом (например, будучи в обличии Главного). У Ивана Непрядвина («Закодированный, или Восемь первых глав») каждый раз борьба концентрируется в конкретном персонаже или событии – алкоголизм, случайный попутчик, гипнотизёр, который его закодировал, да так, что если герой сорвётся, то сразу умрёт. В «Воине балбесов» обнаруживается целый ряд персонажей, которые борются и сами с собой, и друг с другом, и со всем миром одновременно: Василий Венец против Павла Сусоева и Александра Бледнова, и все вместе против Андрея Ильича, а он – учитель словесности, живущий в мире собственных грёз, – против реальности.

С ранними тезисами М. Липовецкого солидарен и критик К. Степанян. В заглавии одной из своих работ – «Назову себя Цвайшпацирен? (Любовь, ирония и проза развитого постмодернизма)» – он даже вынес псевдофамилию героя повести А. Слаповского «Закодированный, или Восемь первых глав». В статье, опубликованной в 1993 г. в журнале «Знамя», критик отметил, что «для постмодерниста мир состоит из множества мозаичных осколков. Но реакция на это состояние мира может быть разной: либо радостная эйфория от возможности беспечно играть мозаичными кусочками, либо – трагическая попытка хоть как-то склеить расколотый мир, пусть даже собственной кровью»⁷. Трансформация направления и отличительные особенности именно русского постмодернизма – основная тема статьи К. Степаняна. Критик говорит о том, что постмодернизм

в чистом виде не способен справиться с задачей познания реальности, однако, трансформируясь, он уже не ищет смыслов в реальности, а сам продуцирует их.

Особенность повествовательной манеры А. Слаповского, которая заключается в умелой и тонкой, не всегда очевидной, компиляции классических сюжетов и приёмов, подчёркивает и Р. Арбитман в рецензии на роман «Первое второе пришествие» в 1994 г. Он говорит о том, что саратовский автор «вынужден складывать мозаичную картинку нашего бытия из готовых пластмассовых кусочков старенького литературного конструктора, который уже тысячекратно использовался до него»⁸. Однако если Р. Арбитман отмечает, что писателю удаётся удачно компилировать уже известные сюжеты, другой критик, А. Кузьменков, спустя несколько лет – в 2015 г. напишет: «... сшить все лоскутки хотя бы на живую нитку автору явно не по силам»⁹.

Не даёт точного определения прозе А. Слаповского литературовед Н. Иванова, однако сама её статья «Преодолевшие постмодернизм», опубликованная в журнале «Знамя», говорит об отношении учёного к ряду произведений 1990-х гг. В частности, кроме А. Слаповского, Н. Иванова пытается найти место в современной литературе таким авторам, как А. Варламов, В. Пелевин, В. Шаров. Провозглашая, подобно В. Жирмунскому в статье «Преодолевшие символизм», конец эпохи постмодернизма, она указывает на проявление реалистической традиции в творчестве современных авторов, но при этом отказывается сама давать им точные характеристики: «На самом деле, признаюсь, я не очень люблю пользоваться словом “реализм” – в силу того, что в него, как в целлофановый мешок, можно сложить – была бы охота – все что угодно. Но уж ежели есть самоназвание, да еще у целой группы, – то деваться некуда: буду их называть так, как они самоназываются»¹⁰. Впрочем, в дальнейших работах она углубляется в теорию постреализма и отмечает, что классическую реалистическую традицию продолжают неонатурализм, новый реализм, гипернатурализм и постреализм, граничащий с неосентиментализмом. К последней разновидности реалистического течения литературовед относит и А. Слаповского. В основе направления лежит идея деятельного сочувствия, которая не противопоставляет чувствующий мир героев неосентиментализма «чернухе» постмодернизма, но с помощью всех кошмаров и ужасов окружающей действительности ещё более заостряет внимание на переживаниях персонажей. Любопытно, что М. Эпштейн в монографии «Постмодерн в русской литературе» (М., 2005) указывает на то, что неосентиментализм рождается на стыке авторской искренности и цитатности, характерной для всей традиции постмодернизма.

Появление нового направления Н. Иванова связывает с возникновением в конце XX в. нового

типа читателя. Здесь учёный приводит в пример и А. Слаповского, который, по словам автора монографии, «чуть не знаковая фигура»¹¹. Самым удачным его методом, позволяющим приблизиться к читателям 1990-х гг., Н. Иванова называет применение приёмов массовой литературы к серьёзной прозе. В частности, она говорит о том, что А. Слаповский, наряду с другими писателями-реалистами и неосентименталистами конца XX в., усвоил «стилевые уроки» постмодернизма, при этом «на бессознательном уровне» продолжая традиции русской классики с её гуманизмом.

Н. Иванова вводит и другой термин, который, по её мнению, характеризует прозу А. Слаповского, В. Астафьева, А. Варламова, П. Алешковского и некоторых других писателей. Исследователь относит их творчество к направлению трансметареализма, который характеризуется, главным образом, «развёртыванием текста как единой многоуровневой метафоры»¹². Это и отличает литераторов данного течения от постмодернистов и реалистов. Последних же критик называет «эпигонами русской литературы», истинными продолжателями классической традиции.

Проанализировав научные и публицистические работы, мы заметили, как меняется представление учёных и критиков о ранней прозе писателя. В целом взгляд критиков на творчество Алексея Слаповского повторяет их суждения о векторе движения литературного процесса. Если поначалу литературоведы характеризуют прозу писателя как постмодернистскую, то затем, говоря о кризисе постмодернистской эстетики, они обнаруживают в его произведениях всё больше реалистических мотивов.

Первым попытку интерпретировать творчество А. Слаповского предпринял М. Липовецкий, отнеся автора к ряду писателей-постмодернистов. Трансформацию постмодернизма именно в прозе у Алексея Слаповского уловил К. Степанян. В дальнейшем его тезис развили М. Липовецкий вместе с Н. Лейдерманом, а затем и Н. Иванова, которые провозгласили А. Слаповского неореалистом. Впрочем, и они не смогли более или менее точно охарактеризовать его прозу и не стали вписывать творчество автора в рамки уже существующих течений, но попытались сконструировать новые понятия.

Постмодернист или неореалист, постреалист или же трансметареалист, сентиментальный натуралист или неосентименталист – к какому направлению можно отнести творчество писателя? Какая дефиниция молодому прозаику «к лицу»? Проблема интерпретации произведений А. Слаповского занимает многих критиков. Его затейливо-иронические, лукаво-простодушные тексты с ловко закрученной фабулой не подходят в полной мере ни под одно из определений и заставляют исследователей подбирать новые понятия, чтобы максимально точно описать своё впечатление от его творчества.

Главную особенность литературного почерка А. Славовского, на наш взгляд, уловил критик А. Немзер, подводя итоги последнего десятилетия XX в. Назвав А. Славовского и А. Дмитриева лучшими писателями «среднего» поколения, он отметил необыкновенную связь их прозы с классической традицией, которая при этом чувствует «боль, суетливость, жестокость, нелепицу нашего сегодня...»¹³

Примечания

- ¹ Славовский А. Первое второе пришествие // Электронная библиотека. URL: http://royallib.com/read/slapovskiy_aleksey/pervoe_vtoroe_prishestvie.html#614400 (дата обращения: 20.09.2016).
- ² Славовский А. Я – не я. Саратов, 1994. С. 105.
- ³ Липовецкий М. Глава третья. Игра как миф : проза «новой волны» // Липовецкий М. Русский постмодернизм : очерки исторической поэтики. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lipovecky_russ_post-modern-lit.htm#_Тос19601467 (дата обращения: 20.09.2016).

- ⁴ Лейдерман Н., Липовецкий М. Жизнь после Смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир. 1993. № 7. С. 238.
- ⁵ Липовецкий М. Указ. соч.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Степанян К. Назову себя Цвайшпацирен? (Любовь, ирония и проза развитого постмодернизма) // Знамя. 1993. № 11. С. 190.
- ⁸ Арбитман Р. Книгожизнь Алексея Славовского // Лит. газ. 1994. № 12. С. 4.
- ⁹ Кузьменков А. Ангел лаодикийской церкви // Лит. газ. 2015. № 48. С. 4.
- ¹⁰ Иванова Н. Преодолевшие постмодернизм // Знамя. 1998. № 4. С. 196.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Немзер А. Замечательное десятилетие // Новый мир. 2000. № 1. С. 217.

Образец для цитирования:

Сальковская А. А. Постмодернист или неореалист? Литературная критика 1990-х годов о творчестве А. Славовского // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 98–101. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-98-101.

Cite this article as:

Salkovskaya A. A. Postmodernist or Neorealist? Literary Criticism of the 1990s of A. Slapovsky's Oeuvre. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 98–101 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-98-101.